

Н. К. Пиксанов

П У Ш К И Н

и

Общество Любителей

Российской Словесности

I *

Пушкину было двенадцать лет, когда учредилось Общество Любителей Российской Словесности. И в то время, как в Москве шли подготовительные работы по открытию Общества, отрок Пушкин держал вступительный экзамен в Царскосельский Лицей. С 1811 года и надолго Пушкин оказался оторван от родной Москвы. В Лицее начали завязываться первые литературные знакомства и отношения и они тянули юношу-поэта к Петербургу, к литературному содружеству «Арзамас».

Однако, и Москва оказалась достаточно притягательна. Первые стихотворения Пушкина печатались в Московских журналах: «Вестнике Европы» и «Российском Музеуме» Измайлова за 1814—1815 г.г. Из них «Воспоминания в Царском Селе» были напечатаны, впервые, за полной подписью поэта, и еще до их напечатания Жуковский читал стихи в Москве, в начале 1815 года, и радовался: «Вот у нас настоящий поэт!».

Не менее Жуковского радовался таланту юного поэта его дядя, Василий Львович Пушкин. И он читал по Москве стихи племянника, и отсюда возникло первое сближение Александра Сергеевича с Обществом Любителей Словесности. Член-учредитель Общества, деятельный участник его заседаний и «Трудов», известный в Москве декламатор, Василий Львович часто выступал в его собраниях в качестве чтеца стихов—своих и чужих. И вот, в заседании 24 февраля 1817 г. В. Л. Пушкин прочел «спи-

* Вступительное слово, сказанное при возобновлении занятий Пушкинской Комиссии О. Л. Р. С., 2 апреля 1922 года. Печатается в переработанном виде.

хотворение Александра Пушкина, воспитанника Царско-Сельского Лицея»: «Гроб Анакреона». Через два месяца, 28 апреля, он же читает в Обществе другое стихотворение: «На возвращение Государя Императора из Парижа в 1815 году». И наконец 30 ноября того же 1817 г. Василий Львович прочел третью стихотворение: «Безверие». В следующем, 1818-м, году все эти три стихотворения появились, за полной подписью: «Александр Пушкин», в «Трудах» Общества ¹.

Можно бы ожидать после этого, что Пушкин будет избран в члены или, по крайней мере, в сотрудники Общества. Однако, этого не случилось, — может быть, по молодости поэта, или по другим причинам. И затем долгие годы непосредственные связи Пушкина и Общества все не устанавливались. В 1820 г. Пушкин был выслан из Петербурга на юг, и избрание в члены Общества опального поэта сделалось невозможным. Однако, и в 1826 году, когда Пушкин приезжал в Москву на два месяца (сентябрь — октябрь) и читал неоднократно «Бориса Годунова» в собраниях, встреча с Обществом не состоялась. Правда, Общество в этом году и вообще не собиралось осенью и зимой ².

И только в 1829 году, через двенадцать лет после чтений В. А. Пушкина, имя Александра Сергеевича Пушкина, теперь уже прославленного поэта, вновь связывается с Обществом. В заседании 23 декабря 1829 г. Пушкин был избран действительным членом Общества — вместе с Е. А. Баратынским, А. Н. Верстовским, С. Н. Глинкой и... Булгариным ³. Повидимому, намеченные к избранию лица предварительно не опрашивались и не извещались. Поэтому избрание Пушкина явилось неожиданностью не только для него, но и для его московского друга, П. А. Вяземского. Сам Вяземский, давний, с 1816 г., член Общества, очевидно,

¹ Часть IX, кн. 14, и ч. X, кн. 16. См. М. Цявловский. Пушкин в печати, стр. 6. Ср. Словарь членов О. Л. Р. С., М. 1911, стр. 234, и Историческую Записку, сост. Н. М. Менделёвым, М., 1911, Приложения, стр. 69, 70 и 72.

² Н. М. Менделёв О. Л. Р. С. Историческая записка, стр. 90-91.

³ Историч. Записка, 43, Словарь, 234—236. С. Н. Глинка был, собственно, только переизбран.

на заседании 23 декабря не был. О состоявшихся избраниях он узнал, повидимому, от жены, «ездившей на святошные игрища литературы», т. е. в заседание Общества 23 декабря (см. ниже). Через неделю некоторые подробности он почерпнул из новогоднего номера «Московских Ведомостей»¹. Здесь, в отчете о заседании 23 декабря, было сказано: «Секретарем Общества прочтено предложение об избрании в члены Общества корифеев словесности нашей: А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, Ф. В. Булгарина и опечеспвленного композитора музыки А. Н. Верстовского». Председателем тогда был А. А. Писарев, временным председателем И. И. Давыдов, а секретарем — С. А. Маслов².

Подлинного протокола заседания в бумагах Общества, к сожалению, не сохранилось³. Сохранилась зато «программа» заседания. Вот она:

1) Временный председатель открыл заседание речью «О прежних и предстоящих занятиях Общества».

2) Произнесена кантата А. А. Писарева «На всерадостнейший мир России с Турцией» (музыка Верстовского).

3) Секретарь Общества прочел «Подражание 20 псалму» Д. Ч. М. Н. Шапрова.

4) Д. Ч. М. Н. Загоскин из своего историч. романа «Юрий Милославский» читал отрывок «Минин на площади Нижегородской».

5) Д. Ч. Н. Ф. Павлов читал своего сочинения «Песнь русского воина по возвращении из турецкого похода».

6) Д. Ч. П. Н. Арапов читал своего сочинения басню «Осел и Брамин».

7) Д. Ч. Н. А. Полевой читал из своей истории русского народа «Описание Скандинавии с ее древнейшими обитателями» и «Святослав».

8) Д. Ч. Н. Ф. Павлов произнес стихотворение Д. Ч. Шевырева «Петроград»⁴.

¹ Московские Ведомости 1830, 1 января, № 1; Историч. Записка, 36.

² Историч. Записка, 27, 28, 29.

³ Историч. Записка, III—IV.

⁴ Историческая Записка, стр. 94.

Как только Вяземский прочел в «Московских Ведомостях» заметку об избрании Пушкина, он немедленно написал ему в Петербург (2-го января 1830): «Сделай милость, откажись от постыдного членства Общества Люб. Русс. Слова. Мне и то было досадно, то есть не мне, но жене моей, менее меня благопристойной и ездившей на святошные игрища литературы, что тебя и Баратынского выбрали вместе с Версповским, а вчерашние «Московские Ведомости» довершили мою досаду: путь увидишь: Предложение об избрании в члены Общества Корифеев Словесности нашей: А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, Ф. В. Булгарина и отечественного Композитора Музыки А. Н. Версповского. NB. Это написано не Шаликовым, потому что в этой статье хвалят историю Полевого. Воля моя, не надобно спускаться такие наглые дурачества. Мы худо делаем, что пренебрегаем званием литературским: это звание не то, что христианина. Тут нечего давать свои щеки на пощечины. Мы не поедем к Вельможе, который нас станет принимать наравне с канальями, с Булгаринскими и другими нечистотами общественного тела. Разве здесь не то же? Гордиться приемами наших Вельмож и наших литературных обществ смешно и невозможно человеку с здравым смыслом, но не спускаться ни тем, ни другим, когда они поступают с нами невежливо, должно, неотменно должно. Сатурналы нашей литературы дошли до того, что нельзя, по крайней мере отрицательно, если не действительно, не протестовать против этих иступлений бесчинства».

Нам, располагающим теперь огромными фактическими материалами о темных делах Булгарина и воспитанным в презрении к нему—как доносчику, трудно почувствовать в филиппике Вяземского преувеличения. Но они были—если не в отношении к Булгарину, то в отношении к Обществу Любителей Российской Словесности.

Вяземский уже давно был раздражен против Булгарина (по разным мотивам, между прочим—из ревности к авторитету Карамзина, которого осмелился критиковать Бул-

гарин. Но в общественном мнении репутация Булгарина к концу 1829 г. вовсе не была так неблагоприятна, как она обрисовалась позднее, после полемики пушкинской группы в тридцатых годах и Белинского в сороковых и после новейших архивных разоблачений. Еще памятно было сотрудничество Булгарина в «Полярной Звезде» Рылеева и Беспужева. Беспужев и позже, в тридцатых годах, относился к Булгарину сочувственно и хвалил его сочинения печатно. Всем было известно, что недавно скончавшийся Грибоедов на рукописи «Горя от ума» сделал надпись: «Горе мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов». К концу 1829 г. Булгарин был шефом влиятельной газеты, автором широко популярных беллетристических произведений. Год назад вышло собрание его сочинений в пяти томах. В 1829 г. появился в свет его роман «Иван Выжигин», имел огромный успех и в том же году был переиздан и немедленно переведен на французский и польский языки. Как криптик, Булгарин не раз заявлял себя дерзкими суждениями. Напр., в статьях по поводу «Истории Государства Российского» Карамзина, раздраживших Вяземского, он высказал много метких возражений историографу, предвосхищая положения позднейшей научной криптики¹.

Что касается непосредственных отношений между Пушкиным и Булгариным, то и они в момент избрания в Общество не могли вызвать больших сомнений. В литературных кругах было известно, что Пушкин и Булгарин переписывались между собою, и что Пушкин бывал у Булгарина², что его стихи печатались в «Северной Пчеле»³.

Когда сопоставляют имена Пушкина и Булгарина, в нашей памяти всплывают факты грубой, неподобающей журнальной полемики Булгарина с поэтом. Но она относится к более позднему времени. Наоборот, новейшим специальным исследованием П. Н. Столпянского устано-

¹ П. Н. Милюков. Главные течения русской исторической мысли (по 2-му изд. стр. 250—251).

² См. Переписку Пушкина, изд. Академией Наук, т. II, стр. 47 (письмо Пушкина к Булгарину в ноябре 1827).

³ М. А. Цявловский. Пушкин в печати, 51.

влено, что до 1830 г. «отношение единственной в то время либерально-политической газеты России к великому поэту может быть охарактеризовано как сплошной панегирик»¹. Не повторяя здесь огромного количества цитат из «Северной Пчелы», приводимых Столянским, напомним только три-четыре взятых из времен близких к эпизоду с избранием. В 1827 г., по поводу отдельного издания «Цыган», «Северная Пчела» пишет (№ 65): «Новое, прелестное стихотворение А. С. Пушкина!.. Все это изображено смелыми, но верными чертами, в стихах пленительных». В 1828 г. Булгарин говорит («Сев. Пчела» № 4), по поводу сцены на Липовской границе в «Борисе Годунове»: «выписываю эту сцену, которая мне кажется совершенством по слогу, по составу и по чувствам. Какое познание характеров, сердца человеческого, местных обстоятельств». Когда Пушкин издал «Графа Нулина», журналисты очень критиковали поэму и читали автору мораль. 4 апреля 1829 г. Погодин записал в своем дневнике о Пушкине: «Бесится без памяти за обвинения в безнравственности»². Через год сам Пушкин в своих заметках записал: «Граф Нулин наделал мне больших хлопот. Нашли его безнравственным, — разумеется, в журналах (в свете приняли его благосклонно), и никто из журналистов не захотел за него вступиться». Однако, один вступился — Булгарин. В «Северной Пчеле» 1828, № 4, Булгарин посвятил этому вопросу обширное рассуждение. Вот два отрывка отсюда: «Граф Нулин, повесть в стихах соч. А. С. Пушкина, есть пьеса нравственная, в полном смысле слова. Граф Нулин изображен в таком виде, что ни один юноша не захочет быть на него похожим»... «Быстрота в слоге, блеск в изображениях переменяющихся на сцене лиц и картин, веселость, легкость рассказа, плавность и сладкозвучие стихов поставляют эту пьесу в число первоклассных про-

¹ П. Н. Столянский. Пушкин и «Северная Пчела», «Пушкин и его современники», вып. XIX—XX, (1914) и XXIII—XXIV (1916).

² М. А. Цявловский. Пушкин по документам Погодинского архива. «Пушкин и его современники», вып. XXIII—XXIV, стр. 102.

изведений Поэзии»¹. В 1829 г. по поводу отрывков из «Арапа Петра Великого»: «Картина мастерски нарисованная, характеры резко обозначены. Пушкин и в прозе— Пушкин». И, наконец, в июле 1829 г., совсем близко к моменту выборов, Булгарин помещает в «Северной Пчеле» (№ 87) «Литературное известие»: «Александр Сергеевич Пушкин возвратился в здешнюю столицу из Арзрума. Он был на блистательном поприще побед и торжеств русского воинства, наслаждался зрелищем любопытным для каждого, особенно для Русского. Многие почитатели его Музы надеются, что он обогатит нашу Словесность каким-нибудь произведением, вдохновенным под сенью военных шапков, в виду неприступных гор и твердынь»².

Сложив вместе все приведенные данные, мы должны прийти к выводу, что Общество Любителей Российской Словесности не делало никакой бестактности, включив в список избираемых членов одновременно с Пушкиным и Булгарина. Вяземский мог оценивать Булгарина очень резко, но приплетать сюда какие-то «наглые дурачества» и «исступления бесчинства» не было никаких разумных оснований. Вяземскому даже «и по было досадно», что Общество Пушкина «выбрало вместе с Верстовским». А Верстовский был даровитый композитор и почтенный литератор³. Здесь сказался тот барский снобизм, который так неприятно выделяет Вяземского из литературной среды 20—30-х годов.

Этот снобизм или дендизм Вяземского не раз дурно действовал и на Пушкина. Но следует указать, что раздраженное письмо Вяземского от 2 янв. 1830 г. не имело того прямого влияния, на какое рассчитывал автор. Неизвестно, отвечал ли Пушкин Вяземскому и если отвечал, то что именно. Но, получив письмо, Пушкин не отказался от «постыдного членства». Впрочем, и официальное

¹ П. Н. Столпянский. Пушкин и «Северная Пчела», там же, вып. XIX—XX, стр. 136—139 и вып. XXIII—XXIV, стр. 145—147.

² П. Н. Столпянский, там же, вып. XXIII—XXIV, 155, 162.

³ См. Словарь членов О. Л. Р. С., стр. 58.

извещение об избрании, по какой-то странности, сильно запоздало. Только 21 марта 1830 г., т.-е. через три месяца, председатель Общества, попечитель Москов. Учебн. Округа генерал А. А. Писарев, обратился к Пушкину с таким письмом: «Милостивый Государь, Александр Сергеевич! Общество Любителей Российской Словесности, уважая любовь Вашу к Отечественной Словесности и труды, в пользу оной подъятыя, избрало Вас в Действительные Члены. Имея честь поздравить Вас с избранием, на общем мнении об отличных достоинствах Ваших основанном, препровождаю к Вам при сем диплом на новое ученое Ваше звание. Общество удостоверено, что Вы с сим избранием изволите принять участие в деле близком сердцу каждого Русского, ибо успехи отечественного языка и словесности служат знаменем степени народной образованности и вместе с сим народного благоденствия. С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть Ваш, Милостивый Государь, покорнейший слуга Александр Писарев»¹.

Опоздание с извещением объясняется, может быть, тем, что Общество затруднялось переслать Пушкину диплом в Петербург, а теперь воспользовалось тем обстоятельством, что как раз сам Александр Сергеевич находился в Москве, он приехал 12 марта. Письмо председателя Общества, сопровождаемое дипломом, поставило Пушкина в затруднение, очевидно — в отношении формальностей. 27 марта он написал Н. А. Полевому — и в тоне письма нет раздражения или враждебности, разве только некоторая холодность: «Сделайте одолжение, Милостивый Государь Николай Алексеевич, дайте мне знать, что делать мне с Писаревым, с его Обществом и с моим Дипломом? Все это меня чрезвычайно затрудняет. Весь Ваш А. Пушкин»². Полевой отвечал в тот же день: «Ничего, совершенно ничего, Милостивый Государь Александр Сергеевич. Мы все, старые члены, ничего не делаем... Избра-

¹ Переписка Пушкина, изд. Академии Наук, т. II, стр. 124.

² Переписка, II, 128.

ние Ваше сопровождалось рукоплесканиями и показало, что желание Общества украсить список своих членов Вашим именем было согласно с чувствами публики, весьма обширной. За диплом взносят члены (т. е. за пергамент) 25 рублей. Если в самом деле решатся поднять Общество, как бы хотели, вы, я уверен в этом, не отказались бы участвовать. Но, теперь... Бог знает, что сделается с Обществом, и не будет ли оно иметь участия Общества Соревнователей—никто не ручается»¹.

Общество тогда переживало большой кризис и было накануне замирения. Писарев собирался уходить из председателей, и в мае был избран новый председатель, И. А. Двигубский, оказавшийся не энергичнее предшественника. С февраля Общество не имело открытых собраний—и затем замерло на несколько лет. Так что Пушкин, если бы и хотел, не мог принимать участия в работах Общества.

А когда оно вновь оживилось,—многое изменилось в литературных отношениях вокруг Пушкина, и это не замедлило отозваться и на Обществе.

В 1834 г. обязанности секретаря Общества взял на себя деятельный М. П. Погодин. Он хотел оживить замершее Общество и вел переговоры со многими литераторами, стараясь привлечь к работе лучшие силы. Так, он приглашал Гоголя, Н. М. Языкова². Само собой разумеется, что Погодин не забыл обратиться и к Пушкину. Не все данные об этом моменте в истории отношений Пушкина и нашего Общества сохранились. Из нижеследующего письма Погодина ясно, что энергичный секретарь обращался к Пушкину не меньше двух раз. От первого—письменных документов не осталось. Пушкин жил в начале 1834 г. в Петербурге. Погодин несомненно писал Пушкину, только письмо не дошло до нас. В этом письме Погодин просил у Пушкина стихов для прочтения в Обществе—очевидно, для первого по возобновлении ра-

¹ Переписка, II, 128.

² Историч. Записка, 38; Словарь членов, 84 и 332.

бот заседания (на что намекают слова второго письма: «Ну как без начала?»). Повидимому, было уже анонсировано заседание с чтением стихов Пушкина, только за неполучением их «собрание отложено». Но в том же письме Погодин спрашивал Александра Сергеевича о его новых произведениях. На этот вопрос в первом своем ответе Пушкин не откликнулся, но во втором, ниже приводимом, охотно сообщил важные подробности о «Медном Всаднике», о «Пугачеве» и проч. Можно еще предполагать, что на первое письмо Погодина Пушкин отвечал устно, через кого-нибудь из знакомых, уезжавших в Москву; но мог отвечать и письменно, только письмо не дошло до нас, как не дошло и первое письмо Погодина. Позволим себе надеяться на открытие эпих исчезнувших писем и следует принять меры к их розыску¹. Впрочем, содержание их ясно из дальнейшей переписки. 24 марта 1834 г. из Москвы в Петербург Погодин писал Пушкину: «Бог Вам судья, что Вы не хотите принять участия в благом деле. И почему Вы отказываетесь? Ведь после Вы напечатаете прочтенное стихотворение где угодно. Общество Любителей Русской Словесности делается средоточием словесности в Москве. Пособите же этому. И не все ли равно быть стихотворению в Библиотеке, прочтенному в кругу приятелей за день или не прочтенному. Пришлите же, пришлите же. Мы просим и ждем, а не то плакаться будем. Знаете ли, что собрание отложено поэтому. Ну как без начала? Ваш М. Погодин. Скажите и Василью Андреевичу: он был прежде ревностным членом»².

Как видим, Погодин не удовлетворился отказом Пушкина, сделанным, очевидно, в уклончивой форме. И Пушкин почувствовал необходимость объясниться начистоту.

¹ Для пушкинистов этот момент остался как-то неясен. В примечании к письму Пушкина П. О. Морозов поясняет (изд. Венгерова, т. VI, стр. 583) «Ответ на письмо от 24 марта», но в этом письме Погодина нет вопросов о «Медном Всаднике» и т. д. Переписка Пушкина и Погодина сохранилась далеко не вся; см. названную статью М. А. Цявловского.

² Переписка, III, 89.

Около 7 апреля он послал Погодину пространный ответ: «Радуюсь случаю поговорить с Вами откровенно.—Общество Любителей поступило со мною так, что никаким образом я не могу быть с ним в сношении. Оно выбрало меня в свои члены вместе с Булгариным, в то самое время, как он единогласно был забалотирован в Англ. клубе (NB. в Петербургском) как шпион, переметчик и клеветник, в то самое время, как я в ответ на его ругательства принужден был напечатать статью о Видоке; мне нужно было доказать публике, которая в праве была удивляться моему долготерпению, что я имею полное право презирать мнение Булгарина и не требовать удовлетворения от ошельмованного негодея, толкующего о чести и нравственности. И что же? В то самое время читаю в газете Шаликова: «Александр Сергеевич и Фаддей Венедиктович, сии два корифея нашей словесности, удостоены» etc. etc.—Воля Ваша: это—пощечина, Верю, что Общество, в этом случае, поступило, как Фамусов, не имея намерения оскорбить меня:

«Я всякому, ты знаешь, рад».

Но долг мой был немедленно возвратить присланный диплом; я того не сделал, потому что тогда мне было не до дипломов—но уж иметь сношения с Обществом Любителей я не в состоянии».

Это письмо и по тону, и по некоторым подробностям (напр., по ссылке на газетное сообщение) живо напоминает приведенное выше письмо Вяземского от 2 янв. 1830 г., очевидно, при обострении вражды к Булгарину вспомнились давние подстрекательства Вяземского. И при поропливом сближении может показаться, что Пушкин и в 1830 г., думал так же, как теперь, в 1834-м. Но читываясь в письмо и сопоставляя его с другими данными, увидим, что Пушкин настроения 1834 года переносит, задним числом, на 1829 год. Что касается статьи о Видоке, то здесь Пушкин допустил явный анахронизм: избрание совершилось 23 декабря 1829 г., а статья о Видоке

напечатана в «Литературной Газете» 6 апреля 1830 г., т. е. при с половиною месяца спустя¹. И, конечно, Общество не могло поэтому принять ее в расчет. К тому моменту, когда писалось письмо к Погодину, Пушкин был ожесточен против Булгарина. О борьбе его с дуумвиратом Булгарин—Греч писалось немало². Но только недавно, после упомянутого исследования П. Н. Сполжянского, стало очевидно, что обострение отношений началось позже декабря 1829 г., а именно — с февраля 1830³. В 1834 г. борьба достигла кульминации. В нее замешаны были не только литературные партизаны Пушкина и Булгарина, но и Бенкендорф, наконец сам Николай I. Немудрено, что в пылу борьбы припомнилось давнее письмо Вяземского; и Пушкин готов был считать одновременное с Булгариным избрание «пощечиной», уверяя, что его «долг» был «немедленно возвратить присланный диплом» и что он не сделал этого четыре года назад будто бы потому, что «тогда было не до дипломов».

Легко представить, какое тяжелое впечатление произвело письмо Пушкина на Погодина. Давний член Общества, преданный его интересам, Погодин мог бы возражать Пушкину хотя бы словами Полевого, т. е. что избрание Пушкина «сопровождалось рукоплесканиями», что «желание Общества украсить список членов» именем Пушкина «было согласно с чувствами публики, весьма обширной» и т. д. Фактами, тогда еще свежими в памяти и теперь восстановленными мною выше, он мог бы доказать, что избрание произошло раньше неблагоприятных действий Булгарина против Пушкина. Очень возможно, что он и писал в этом роде Пушкину вновь, только письмо не дошло до нас, как и одно из предыдущих. Вполне воз-

¹ М. Л. Цявловский. Пушкин в печати, 89.

² М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи, т. II; — В. Гиппиус. Пушкин и журнальная полемика его времени. «Памяти Пушкина», сборник Истор.-Филолог. факультета С.-Петербургского Университета. П. 1900; — Н. К. Пиксанов. Несостоявшаяся газета Пушкина. «Пушкин и его современники», вып. V (1907).

³ «Пушкин и его современники», вып. XIX—XX стр. 167.

можно, что Пушкин мог бы быть или был поколеблен такими доводами. Но беда в том, что Общество, несмотря на старания Погодина, так и не оживилось и перестало собираться—до пятидесятих годов. И даже если бы Пушкин и переложил гнев на милость, ему негде было бы выступить со своими стихотворениями.

II

Итак, случайности, недоразумения и внешние обстоятельства набросили темное облачко на отношения Пушкина и нашего Общества. При жизни поэта оно так и не рассеялось.

Но было невозможно, чтобы оно осталось навсегда между величайшим русским поэтом и старейшим русским литературным обществом. Изучение истории Общества Любителей Российской Словесности показывает, что Общество не осталось в долгу перед памятью Пушкина и отблагодарило его в меру сил, чем старая невольная обида была искуплена.

Не берясь изложить во всей полноте эту сложную, богатую и почтенную историю отношений Общества к памяти Пушкина, я останавлиюсь лишь на нескольких, наиболее ярких моментах.

Было бы невероятно, чтобы Общество, посвящая свои труды изучению русских писателей, не возвращалось постоянно к изучению Пушкина. Действительно, просматривая протоколы Общества, мы часто встречаем имя Пушкина: то читается доклад о нем, то организуется чествование его памяти, то устраивается пушкинская выставка, то готовится популярное издание его сочинений, и т. д.

В истории культа Пушкина наиболее яркими были юбилейные празднества 1880, 1887 и 1899 годов. И все эти три момента песнейшим образом связаны с Обществом Любителей Российской Словесности.

В славные июньские дни, когда Москва открывала памятник Пушкину на Тверском бульваре, Общество принимало самое деятельное участие в торжествах. Председателем подготовительной комиссии был член Общества Л. И. Поливанов¹. Общество устроило в пушкинские дни два торжественных публичных заседания. На первом, 7 июня, программа была такова: 1) Предс. С. А. Юрвев произнес речь. 2) Д. Ч. Луи Леже—приветствие. 3) Депутат Акад. Наук М. И. Сухомлинов произнес речь. 4) Телеграммы, письма и приветствия прочтены секретарем Общества Н. П. Аксаковым. 5) Академик Я. К. Грот произнес речь под заглавием «Личность Пушкина». 6) Стихотворение прочитано Я. П. Полонским. 7) И. С. Тургенев произнес речь. 8) А. Ф. Писемский произнес речь «Пушкин как исторический романист»². На обеде, устроенном в тот же день Обществом, кроме С. А. Юрвева, выступил еще с застольным словом А. Н. Островский. На втором заседании, 8-го июня, происходило следующее: 1) Врем. председ. Н. А. Чаев произнес речь. 2) Ф. М. Достоевский произнес речь. 3) Стихотворение прочтено А. Н. Плещеевым. 4) И. С. Аксаков произнес речь. 5) П. В. Анненков произнес речь. 6) Н. В. Калачев прочел об историческом таланте Пушкина. 7) А. А. Потехин произнес речь³.

Центром не только этого второго заседания, но и всех празднеств,—оказалась знаменитая речь Достоевского. Пушкинские празднества 1880 года описывались много раз и имеют обширную литературу⁴. Немало данных имеется и о речи Достоевского⁵. Но, может-быть, самым ценным здесь является публикация писем самого

¹ О его поразительно энергичной работе и вообще о работах пушкинской комиссии по подготовке торжеств см. А. М. Сливцкий. Пушкинские дни (Из моих воспоминаний о Л. И. Поливанове). Московский Еженедельник 1908, №№ 44 и 46. Ср. сборник «Памяти Л. И. Поливанова». М. 1909; «Искусство» 1923, I (Из архива Л. И. Поливанова).

² Историч. Записка, 142 (второй пагинации).

³ Историч. Записка, 142—143.

⁴ См. Ф. Б. (Булгаков). Венок на памятник Пушкину. П. 1880; В. И. Межов. Puschkiniana. П. 1886.

⁵ Библиографию см. в моих книжках: «Два века русской литературы» и «Пушкинская студия».

Достоевского к жене, Анне Григорьевне, писанных из Москвы с 23 мая по 8 июня и опубликованных недавно ¹. Особенно замечательно последнее письмо, где Достоевский сам излагает знаменитое заседание 8-го июня и обстоятельства, сопровождавшие его речь.

Между прочим, в этом письме Достоевский сообщает: когда публика несколько успокоилась после речи, «Юрбев (председатель) зазвонил в колокольчик и объявил, что Общество Люб. Рос. Словесности единогласно избирает меня своим почетным членом. Опять вопли и крики». Следует заметить, что с участием Достоевского в Обществе перед тем вышла какая-то неясность. В письме от 25—26 мая Достоевский сообщал Анне Григорьевне: «Я выбран в члены Общества Люб. Российской Словесности еще год назад, но прежний секретарь Безсонов по небрежности не уведомил меня о выборе, в чем мне и принесли извинение» ². По своей чрезвычайной мнительности Достоевский готов был даже подозревать (о чем и писал жене), что москвичи, в том числе и члены Общества, не прочь помешать произнесению им речи—из опасения ее консервативных тенденций. Теперь пушкинская речь исчерпала недоразумения и увенчала Достоевского званием почетного члена Общества.

Необычайный, ни с чем несравнимый успех этой речи затмил остальное. И конечно, речь Достоевского, произнесенная в заседании Общества Любителей Российской Словесности, взволновавшая глубоко мысль современников,—и в течение дальнейших десятилетий продолжала возбуждать историческое и общественное сознание. Но и другие ораторы, выступавшие в двух заседаниях Общества, сказали в своих речах много важного, способство-

¹ Н. Ф. Бельчиков. Достоевский о Пушкинских торжествах в 1880 г. Красный Архив 1922, кн. первая. Ср. отд. изд.: «Из архива Достоевского. Письма Ф. М. Достоевского к жене». М. 1924.

² В Словаре членов Общества об этом избрании не упоминается, а говорится только: «Почетный член Общества с 8 июня 1880 г., удостоенный этого звания ~~почти~~ сразу же по прочтении им в торжественном заседании О. Л. Р. С. ~~знаменитой~~ своей речи о Пушкине» (стр. 105).

вавшего осознанию значения поэта. Ведь, среди них были и Тургенев, и Писемский, и Островский, и Анненков, и академики Гроп и Сухомлинов¹. Общество, кроме двух заседаний, устроило еще пушкинскую выставку—первую из литературных выставок, которые неоднократно устраивались Обществом. Она сослужила тогда хорошую службу русскому обществу в деле наглядного ознакомления с Пушкиным и его эпохой. С некоторым запозданием, но все же вышел потом «Альбом Московской Пушкинской Выставки 1880 г.», под редакцией д. ч. Льва Поливанова (М., 1882). Здесь было помещено 62 фотогравюры и фотолитографии художника М. М. Панова с портретов, автографов и видов местностей. Кроме того, в Альбоме был помещен биографический очерк Пушкина, составленный д. ч. Общества А. А. Венксперном. Обширный этот очерк оказался одним из лучших в биографической литературе и потом переиздавался неоднократно (1899, 1909). Переиздан был и Альбом выставки—к новому юбилею Пушкина—в 1887 году, о чем речь ниже.

Пушкинские празднества 1880 года доставили Обществу и денежные средства (как доход от музыкально-литературных вечеров и выставки). В Обществе возникла мысль издать сочинения Пушкина. В заседании 19 апреля 1885 г. Н. И. Спороженко предложил выпустить к юбилею 1887 г. два издания: «одно для образованной публики, другое для народа». Предложение было принято, и В. Е. Якушкину поручено собрать материал и выработать план обоих изданий. В. Е. Якушкин в заседании 19-го октября того же 1885 г. представил план обоих изданий, при чем из его обстоятельной записки выяснилось, что на задуманное полное научное издание Пушкина нужно не менее 26 тысяч рублей. Таких средств у Общества не нашлось, и оно вынуждено было отказаться от этого издания (оно было выполнено в 1887 году другим литературным объединением — Литературным Фондом, под редакцией

¹ Тексты речей см. в сбор. «Венок Пушкину»; ср. Пушкиниану Междова.

П. О. Морозова). Решено было ограничиться изданием отдельных произведений Пушкина, и в 1887 г. Общество выпустило, по чрезвычайно дешевой цене, отдельными книжками: «Евгения Онегина», «Бориса Годунова» и «Полтаву». По дешевизне книжки были вполне доступны для народа, но редактировались они В. Е. Якушкиным вполне научно,—так, текст «Онегина» был дополнен не только всем, что появилось в журналах по 1887 год, но и по черновым рукописям. К этой редакции романа обращались потом и специалисты¹.

Празднества 1880 года опоздались в Обществе не только изданием (и переизданием) Альбома выставки, не только созданием общей биографии Пушкина А. А. Венкстерна, не только названными популярными публикациями пушкинских текстов. Несомненно, от этих празднеств идет обострившийся интерес к Пушкину у Л. И. Поливанова, председателя юбилейной комиссии и руководителя Пушкинской выставки 1880 года; в чем отразился этот интерес, скажу ниже. В связи с торжествами 1880 г. дети Пушкина передали в Румянцевский Музей драгоценное собрание автографов поэта. Следовало начать систематическую разработку этих богатств, и их изучение вскоре взял на себя начинающий литератор В. Е. Якушкин. Результатом его продолжительных работ явилось известное описание рукописей Пушкина, печатавшееся в «Русской Старине» за 1884 год. В том же 1884 году Якушкин был избран (28-летним молодым человеком) в действительные члены Общества, и таким образом в состав его деятелей вошел выдающийся пушкинист, много способствовавший изучению Пушкина в Обществе. В 1885 году, как я упоминал, он уже вырабатывал план издания сочинений Пушкина, а в 1887 г. частично осуществил его преемниками.

С этим изданием мы приблизились к другому юбилею Пушкина—к 1887 году. Помимо переиздания Альбома Пуш-

¹ Историч. Записка, 87, стр. 148, 149, 150, 198 второй пагинации.

кинской выставки и издания «Онегина», «Бориса Годунова», «Полтавы», Общество в этом году устроило два заседания, посвященных Пушкину. На первом, 10 января, В. О. Ключевский прочел доклад: «Борис Годунов Пушкина с исторической точки зрения», а В. Е. Якушкин — «Очерк изданий сочинений А. С. Пушкина». На втором, происходившем 1-го февраля, было читано: 1) Д. Чл. Л. И. Поливанов — «Многосторонний интерес научных исследований о Пушкине» 2) Д. Чл. В. Е. Якушкин — «Очерк истории Пушкинского текста с 1814 года по 1887-й»; 3) Д. Чл. А. А. Венкстерна — неопубликованное (тогда) стихотворение А. С. Пушкина «Погасло дневное светило»; 4) Д. Чл. В. О. Ключевский — «Евгений Онегин и его предки»; 5) Председатель Общества Н. С. Тихонравов — «Пушкин и Гоголь»¹. Заседания Общества в 1887 году не были такими торжественными и яркими, как семь лет назад. И характер их был заметно иной — с явственным уклоном в научно-историческое изучение. Все, что было доложено в эти два заседания, вошло прочно в науку о Пушкине. Особенно выдвинулась речь Ключевского о «Евгении Онегине». Блеск изложения, мастерство афоризмов, литературная чуткость, широта исторической перспективы, оригинальная культурно-психологическая схема — все это дало знаменитой речи власть не только над тогдашними слушателями, но и над позднейшими историками литературы и критиками, до Н. А. Копляревского и Иванова-Разумника включительно.

Но следует отметить и другие вклады. «Очерк истории пушкинского текста» Якушкина вошел потом в его сборник «Пушкин» и доселе не утратил своей ценности. Речь Тихонравова (воспроизведена в собрании его сочинений) убедительно раскрыла мощное влияние Пушкина на Гоголя. Работы Л. И. Поливанова тоже оказались весьма полезными и долговечными. Выше указывалось, что они начались от предстоящего юбилея 1880 года. Как председатель подготовительной комиссии, как устроитель пуш-

¹ Историч. Записка, 152.

кинской выставки, как составитель ее каталога, Поливанов вовлекся в специальные розыскания по иконографии, биографии, текстологии Пушкина. В 1882 году он выпустил Альбом выставки; в 1887 г. Альбом пришлось переиздать. Ко второму юбилею Поливанов был уже зрелым пушкинистом и сразу выступил с несколькими работами по Пушкину. Их обыкновенно недооценивают и готовы относить в разряд популярных или педагогических. Между тем, они имеют немалое научное значение. Выше упомянутая речь Поливанова: «Многосторонний интерес научных исследований о Пушкине» (она тогда же была напечатана в «Московских Ведомостях» 1887 г.). В том же году в «Русской Старине» он сообщил «Материалы для биографии Пушкина». Несколько раньше, в «Русском Вестнике» 1886, № 8, Поливанов обнаружил статью: «Демон Пушкина на основании нового пересмотра рукописей поэта». Это целая монография, посвященная одному стихотворению, при чем автор одинаково внимательно изучает и текстуальную, и литературную, и творческую историю пьесы. Установленная здесь связь «Демона» с «Онегиным», как и многие отдельные наблюдения, прочно вошли в пушкинскую историографию. Но самое крупное, что сделал Поливанов для пушкинизма, это издание «Сочинений А. С. Пушкина с объяснениями их и сводом отзывов критики», в пяти томах. Свое издание он предназначал «для семьи и школы» и потому исключил из него некоторые произведения; этим было сужено значение издания и даже придано ему, в глазах непосвященных, учебное значение. В действительности же оно имело в свое время — и теперь еще не потеряло — большое научное значение. Если редактор и не восходил при установлении текстов к рукописям, как это делалось в одновременно выходившем издании Литературного Фонда под редакцией П. О. Морозова (хотя и Поливанов эпизодически обращался к автографам), то комментарий был разработан превосходно. Здесь впервые — и надолго — установлены связи многих произведений Пушкина биографические, исторические, литературные. Богатство мате-

риалов у Поливанова нередко превосходит все, что дается в позднейших кирпических изданиях — академическом, морозовском, венгеровском; для примера достаточно указать на «Полтаву». К комментариям Поливанова пушкинисты прибегают и ныне. В среде Общества Любителей Российской Словесности, как и вообще в нашей литературной среде восьмидесятых-девяностых годов, Л. И. Поливанов был одним из лучших знаменитостей Пушкина. Приняв такое плодотворное участие в двух пушкинских торжествах, Поливанов, к горькому сожалению, скончался (+ 11 февраля 1899) накануне третьего.

Этим третьим пушкинским празднеством был столетний юбилей со дня рождения поэта — в 1899 году. Общество начало готовиться к нему заранее, за восемь месяцев, выделив особую комиссию под председательством А. И. Кирпичникова при секретаре Д. Д. Языкове; комиссия имела шестнадцать заседаний, начиная с 16 октября 1898 г. Кроме того, была образована еще подкомиссия по организации новой пушкинской выставки, в состав коей вошли: почет. чл. П. А. Ефремов (председатель) и д. чл. А. Е. Грузинский, А. Е. Нос, А. И. Станкевич и В. Е. Якушкин. Первым днем торжества было 26 мая; в этот день состоялось торжественное соединенное заседание Университета, Общества Любителей Российской Словесности и Общества Истории и Древностей Российских. Вступительное слово произнес ректор Д. Н. Зернов, потом говорил председатель О. Л. Р. С. Н. И. Спороженко, за ним А. И. Кирпичников и В. О. Ключевский. В заключение были произнесены приветствия от ученых обществ, состоящих при Университете. Особое движение вызвал адрес Юридического Общества, прочтенный его председателем С. А. Муромцевым. В приветствии говорилось, что Пушкин был «проникнут с юности мечтами о просвещенной свободе и законности, как лучших опорах государственного порядка», что Пушкина на его родине поражало «презрение к мысли и равнодушие ко всякому долгу, справедливости и правде», что «празднуя ныне память поэта, мы

поржествуем вместе с пем победу, одержанную русской личностью над рупиной жизни и властной опеки».

На другой день, 27 мая, состоялось торжественное публичное заседание самого Общества. Вступительное слово сказал временный председатель А. Н. Веселовский на тему о гуманности и свободолобивом содержании поэзии Пушкина, д. чл. Н. А. Чаев прочел стихотворение «Священной памяти А. С. Пушкина», д. чл. В. Е. Якушкин сделал доклад «Общественные взгляды Пушкина». В докладе говорилось, что поэзия и вся липературная работа Пушкина «были проникнуты вольнолюбивыми мечтами». Докладчик утверждал, что «связанный близкими отношениями с передовыми людьми двадцатых годов, Пушкин разделял, в общем, их убеждения. Спасшийся от декабрьской бури, он сохранил свои общественные идеалы».

Второе торжественное заседание Общества было устроено на следующий день, по такой программе: 1) «Взгляд Пушкина на поэзию», речь д. ч. кн. Д. И. Цертелева; 2) «Стихотворение» д. ч. К. М. Фофанова; 3) «Личность Пушкина», речь д. ч. И. И. Иванова; 4) «Пушкин и Гоголь» речь д. ч. В. И. Шенрока; 5) Приветствия и телеграммы.¹

В обоих заседаниях оглашались приветствия липературных и общественных организаций. Особенно выдѣлился адрес двадцати четырех петербургских периодических изданий, прочтенный 27 мая. В нем говорилось, что «Общество Любителей Российской Словесности было свидетелем печальных превратностей, испытанных поэтом, на всем протяжении его безвременно прерванной жизни, среди упорной косности и недомыслия, еще и понѣине препятствующих утверждению пользы свободного творчества и печатного слова». Адрес требовал «доверия к свободному развитию липературы» и протестовал против «косности и мыслибоязни, угашающих дух творчества».

Совершенно очевидно, что празднества 1899 года протекли при повышенном общественном наспроении. Оно

¹ Историч. Записка, 173.

сказалось и в приветствии Юридического Общества, и в докладе Якушкина, и в адресе петербургской печати. Это обратило внимание администрации и повело к ее грубому вмешательству. Историкограф Общества, Н. М. Менделсон, так повествует об этом: «Во время пушкинских торжеств в мае 1899 г., Общество пережило особенно тяжелые минуты. По словам лиц, близко стоявших к Обществу в то время, дни пушкинского праздника для членов бюро были тремя днями нравственной пытки. Не прошло и часу с момента окончания торжественного заседания в университетской палате 26 мая, как «весьма нужная» бумага и. д. московского обер-полицеймейстера Трепова, адресованная председателю Н. И. Спороженко, но доставленная секретарю Д. Д. Языкову, потребовала от Общества, «по встретившейся надобности», копию адреса, прочитанного С. А. Муромцевым от имени Юридического Общества. На другой день торжеств — немедленное требование речи В. Е. Якушкина. На третий день — недоразумения из-за речи И. И. Иванова. Над Обществом готова была разразиться гроза. Она миновала его, но ее не избежали некоторые из его членов...»¹ За свою речь В. Е. Якушкин по распоряжению министра внутренних дел был выслан административным порядком в Ярославль². Приветствие С. А. Муромцева послужило одним из поводов к закрытию Юридического Общества (осенью 1899). И само Общество Любителей Российской Словесности едва отстояло свое существование.

Одновременно с торжественными заседаниями Общество открыло Пушкинскую выставку. Она была очень богата. Об этом свидетельствуют «Альбом» и «Каталог» выставки, изданные в том же 1899 году. Для иконографии пушкинской эпохи, а также для изучения его автографов (по великолепным снимкам в «Альбоме») эта выставка и ее альбом и каталог имеют большое значение.

¹ Историч. Записка, 83—84.

² «Русские Ведомости» 1863—1913. Сборник, М. 1913, стр. 215 второй пагинации. Речь же могла быть напечатана только в 1904 году (газ. «Наши дни» 1904, № 6, 22 дек.).

Еще большее научное значение имело одно событие, вызванное пушкинскими торжествами. В Исторической записке Н. М. Мендельсона читаем об этом: «В связи с пушкинскими днями 1899 г. возникла при Обществе «Пушкинская Комиссия», существование которой было официально признано в заседании 6 апреля 1899 г. Она начала свои действия 17 апреля 1900 г. и до 4 ноября 1906 г. имела пятнадцать заседаний, сначала под председательством А. И. Кирпичникова, а после его кончины — под председательством В. Е. Якушкина, при секретаре В. В. Каллаше. Комиссия, в трудах которой принимали деятельное участие оба ее председателя, бессменный секретарь, А. Н. Веселовский, П. А. Ефремов, В. Ф. Саводник, Ю. И. Айхенвальд, М. О. Гершензон, Ю. А. Веселовский, В. Я. Брюсов, поставила себе обширные задачи: периодическое подведение итогов по изучению Пушкина, иконография великого поэта, изучение истории пушкинского текста, отношение Пушкина к европейским литературам, обзор переводов, история музыкальных иллюстраций к Пушкину, история проникновения Пушкина в школу, — вот главные из заданий, намеченных комиссией. Результаты своих работ комиссия предполагала издавать, приняв за образец, по предложению А. Н. Веселовского, Гётевские Сборники»¹. Имена участников Комиссии обеспечивали ей содержательность и плодотворность работ. И, действительно, доклады, читавшиеся в Комиссии, потом печатались и вошли прочно в наш научный оборот. В заседаниях Комиссии читались доклады: В. В. Каллаша о «Гаврилиаде»², «Пушкин, Московский Вестник и Булгарин»³, В. Ф. Саводника «К вопросу о Пушкинском словаре»⁴, «Античные образы в поэзии Пушкина», о стихотворении Пушкина, «К Н. (1834 г.)»⁵, о возможном влиянии одного стихотво-

¹ Историч. Записка, 94.

² «Литературный Вестник» 1902, Кн. II («Пушкин или кн. Д. П. Горчаков?»).

³ «Пушкин и его современники», вып. II (1904).

⁴ «Известия II Отд. Академии Наук» 1904, кн. I.

⁵ «Русский Архив» 1904, 2.

рения Мильвуа на «Анчар» Пушкина, А. Н. Веселовского — о байронизме в славянских литературах ¹; Ю. А. Веселовского — армянские отголоски поэзии Пушкина ², М. О. Гершензона — биография и характеристика П. В. Нащокина ³, сообщение В. Е. Якушкина — «о ходе работ по академическому изданию Пушкина» ⁴.

К сожалению, доклады Комиссии не собирались в один сборник, как то подсказывалось предложением А. Н. Веселовского. Иногда пушкинские доклады выносились и в обычные заседания Общества. Таков, напр., доклад М. А. Веневитинова: «Отзывы немецкой прессы о Пушкине» в 1900 г. А в 1901 г. Пушкину посвящено было целое заседание (4 мая) по такой программе: 1) В. Е. Якушкин — «Исторический обзор изданий Пушкинского текста»; 2) П. А. Ефремов — «Пушкин в литературе и искусстве»; 3) В. В. Каллаш — «Очерк развития Пушкинской библиографии»; 4) Ю. А. Веселовский — «Белинский и Пушкин»; 5) А. Н. Веселовский — «Пушкин и иностранная литература» ⁵.

Тот приподнятый интерес к Пушкину, который наблюдается в эти годы в Обществе, отзывался не только в работах Пушкинской Комиссии и в устных докладах, но и в других проявлениях. Так, усердный деятель Общества и секретарь Пушкинской Комиссии, В. В. Каллаш, издал в юбилейный 1899 г. сборник: «Русские поэты о Пушкине». Затем, продолжая свои библиографические поиски, он напечатал в 1902—1903 г.г. два выпуска полезной книги: «Pushkiniana. Материалы и исследования об А. С. Пушкине» ⁶. Другой член Пушкинской Комиссии, В. Я. Брюсов, один из тех, кому наш пушкинизм наиболее обязан своим подъемом,

¹ См. его эпюды и характеристики, изд. 4, т. I.

² См. его «Литературные очерки», т. I (поэзия Пушкина в преддверии Азии).

³ См. его «Образы прошлого» или «Мудрость Пушкина».

⁴ Историч. Записка, 95.

⁵ Историч. Записка, 174. Доклад Юрия А. Веселовского, см. в его «Этюдах по русской и иностранной литературе», Алексея Н. Веселовского в его «Этюдах и характеристиках».

⁶ Пушкинские работы В. В. Каллаша многочисленны и разнообразны; они печатались в «Русской Мысли», «Научном Слове», «Литературном Вестнике», сбор. «Пушкин и его современники» и др.

помимо отдельных статей, рассеянных в повременных изданиях, редактировал в 1903 г. книгу: «Письма Пушкина и к Пушкину. Новые материалы, собранные книгоиздательством Скорпион». Л. П. Бельский, ученик Л. И. Поливанова, его сотрудник по организации торжеств 1880 года и помощник по изданию Альбома Пушкинской выставки, завершил свои давние занятия Пушкиным тем, что воспроизвел фотопипически, в богатом издании А. де-Бюнкюр, автографы «Скупого рыцаря» и «Русалки» (М., 1901 и 1902), снабдив снимки своими послесловиями. Этим Л. П. Бельский много способствовал изучению текстов Пушкина. В. Е. Якушкин, с 1884 года продолжавший непрерывно работать по Пушкину, в 1889 году выпустил сборник своих статей о Пушкине, где особенно выделилась работа: «Радищев и Пушкин» книга на десятилетия осталась в числе необходимых для пушкиноведения. Позднее В. Е. Якушин, несомненно в значительной связи с работами Пушкинской Комиссии, продолжал печатать статьи о Пушкине—в «Русских Ведомостях» (напр., о новых изданиях сочинений Пушкина: ефремовском, морозовском; статьи перепечатывались в «Литературном Вестнике»). Вскоре Якушкин был привлечен к работам Академии Наук по изданию Пушкина и одно время был живой связью между Пушкинскими Комиссиями Общества и Академии. Но потом Петербург перетянул к себе славного пушкиниста. Помимо академического издания Пушкина, где, со смертью акад. Майкова, Якушкину были поручены ответственные работы по второму и третьему томам, В. Е. Якушкин был вовлечен в работу первой Государственной Думы. Эти два обстоятельства ослабили его связи с московской Пушкинской Комиссией¹. Еще раньше отхода Якушкина, Комиссия потерпела другой урон: смерть (в 1903 г.) ее первого председателя, А. И. Кирпичникова².

¹ О В. Е. Якушкине как пушкинисте, см. Н. К. Пиксанов. Пушкинская студия. П. 1922. Там же о В. Я. Брюсове-пушкинисте.

² Необходимо упомянуть вышедший под его редакцией «Пушкинский Сборник» статей студентов Московского университета (М., 1900), где имеется и статья редактора: «Об изучении пушкинского периода русской литературы».

И вот, с 1906 года она начинает быстро хиреть и затем совсем приостанавливает свои работы.

Интерес к Пушкину, однако, не мог угаснуть в Обществе; здесь продолжали участвовать видные пушкинисты, как В. Я. Брюсов, М. О. Гершензон, позднее выдвинулись молодые, как М. А. Цявловский. Всех их питало богатейшее собрание пушкинских автографов Румянцовского Музея. В 1907 году В. Я. Брюсов издал свою известную книгу: «Лицейские стихи Пушкина по рукописям Румянцовского Музея». М. О. Гершензон продолжал свои пушкинские студии, печатая их в журналах, потом в «Образах прошлого» (1912) и, наконец, в сборнике «Мудрость Пушкина» (1918). Продолжал печатать свои специальные разыскания по Пушкину и В. В. Каллаш. М. А. Цявловский в 1914 г. издал свою превосходную библиографическую монографию: «Пушкин в печати»¹. Ю. И. Айхенвальд в 1915 г. собрал свои этюды о Пушкине в отдельную книгу, имевшую большой успех.

В заседаниях Общества продолжали читаться доклады по Пушкину (не говоря уже о его эпохе). Не перечисляю их полностью, но из ближайших лет отмечу доклады — П. Н. Сакулина: «Пушкин и Радищев» (в отдельном издании: «Пушкин и Радищев. Новое решение старого вопроса» М. 1920.), Б. М. Соколова: — «Пушкин и Мария Волконская» (отдельное издание «Задруги», М. 1922).

Организация Пушкинских празднеств, издание текстов и иконографии Пушкина, непрерывный ряд докладов о нем, учреждение Пушкинской Комиссии — вот труды Общества Любителей Российской Словесности в области пушкиноведения. За исключением Комиссии по изданию сочинений Пушкина при Академии Наук, напечатавшей пять томов творений поэта и при тома переписки и издавшей 35 выпусков сборника «Пушкин и его современники», никакое иное литературное учреждение не потрудилось так много над изучением Пушкина, как Общество. Свой долг перед памятью поэта и перед наукой о Пушкине оно выполнило сполна.

¹ Биографические и текстуальные его исследования по Пушкину печатались в журн. «Голос Минувшего», сбор. «Пушкин и его современники».

Февральская и затем Октябрьская революция временно приостановили работу. Как только явилась возможность вернуться к ней, немедленно обнаружилось, что в стране, испытавшей такой колоссальный, как бы геологический сдвиг, несмотря на тяжчайшие экономические потрясения, несмотря на голод, вновь возродился и как будто еще окреп культ Пушкина. Поразительно одно количество книг и статей, появляющихся за эти годы в печати,—в то время, когда издание книг так сократилось. Ярким выражением этого культа Пушкина явилось постановление, принятое сначала петроградскими, потом и московскими литературными организациями,—об учреждении ежегодного всероссийского чествования памяти Пушкина. Общество Любителей Российской Словесности выступило во главе московских организаций в устройстве Пушкинского дня в Москве в 1922 г. (а затем и в текущем 1923), поддержав тем свою старую традицию.

В последнее время все более и более крепла мысль, что изучать Пушкина надо не раздробленно, не в одиночку, а коллективными силами. Естественно было вспомнить, что при нашем Обществе работала специальная Пушкинская комиссия—и возродить ее.

Не будем загадывать, как пойдут ее работы. Но в Москве, где хранятся сокровища Пушкинских рукописей, где сосредоточено столько выдающихся пушкинистов, необходима Пушкинская Комиссия, и есть все основания надеяться на успешность ее трудов.

ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ
Общества Любителей Российской Словесности

ПУШКИН

СБОРНИК ПЕРВЫЙ

редакция Н. К. ПИКСАНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1924